И Нилрем был блаженный. Считавший себя важнейшей строчкой кода, он выстроил свои дальнейшие действия на три шага вперёд.

Все то время, что ему приходилось наблюдать, он усиленно думал, размышлял. Естественно, кое-какие планы намечались, приобретали очертания, в то время как другие скидывались в мусорку, прямиком в корзину.

Три дня и три ночи, мальчик продумывал дальнейшие действия, но… все его планы некрасиво разрушились, составив из этих обломков лаконичное: «Пошёл ты!» Естественно, Нилрем был удивлен, как только его и ещё несколько демонов, подобно сардин, засунули в карету, а после отвезли подальше, к безымянному обрыву.

Его обвиняли, в том, чего он не успел сделать… вернее, подозревали. Юный Грейрат только-только собрал информацию о группе, достаточную, чтобы начать решительно двигаться, как его опередил один козёл. И на этого козла, Нилрем неотрывными гляделками немой рыбы пялился уже больше минуты. Если было бы возможно, глаза парня передавали бы неизмеримую тяжесть и желание закопать Эбата в землю по самую шею, а после помочиться на неё.

Очнувшись чуть погодя, как после сна, парень, осмотрел свое ближайшее окружение. Он все ещё у обрыва, а рядом все ещё находится демон.

«Кажется, их было больше», пролетела мысль, впрочем, для Нилрем не было разницы, один демон, три или целый легион. Если они не выше продвинутого уровня фехтования, беспокоиться было не о чём.

Облизнув, стоящего по правую руку, демона, взглядом, мальчишеские глаза обратились к желанному козлу впереди. Его источник информации, а как неприятное дополнение, ещё и источник головной боли и проблем.

Приложив руку ко лбу, Нилрем в который раз одобрил план тотального уничтожения демонов, ведь он не мог нормально почесать лицо! Маска так мешала унять лютующую по лицу чесотку, что мысль вырезать всю расу ему не казалась столь абсурдной и грандиозной.

И вновь думы охватили светлый ум человека. Ах, если бы он был чуточку целенаправленнее.

Демон пёс скормил всех «товарищей» ненасытной пропасти. Остался он один, если не считать низкорослика в каменной маске.

Не зная имени того существа, его сил, возможностей и главное, ума, демон исходил исключительно из того, что видел. А видел он щуплое тело, пускай и тренированное, но небольшое.

«Даже будь он дитём проклятой расы Супардов, я смогу его спихнуть в ущелье»

Прошлые сражения наложили на тело и разум Кобольта свой отпечаток. Израненные руки, торс в синяках, и один глаз, давно заплывший нехорошим. Все это было доказательством его поступка, особенно учитывая то… Как тряслись больные руки, как гудела голова от собственного уродства. Не он начал борьбу, но он её поддержал и надеялся, закончит. А все потому, что демон тоже желал жить. Свирепое сражение ещё не закончено.

— Пока не останется один.

Напомнил хохочущий Эбат.

И тогда, глаза хищника сузились, стоило ему перевести их на Нилрема.

«Низкий и маленький», описав для себя паренька, Демон-пес тут же удивился, чего он боялся до этого момента?

«Ранее в карете, от этого мага веяло силой и таинством, а сейчас он скорее всего, просто застыл от ужаса», что ж, называть это суждение ложным неверно, оно правдиво, пускай и с его стороны.

Тот, кто убивал да предавал друзей ради себя, без колебаний убьет и незнакомца.

Только собираясь прыгать на Нилрема, Демон-пес, тут же, как присланный к столпу дурень, застыл. Его пасть с характерным клацаньем захлопнулась, а по морде пробежались капли холодного пота.

Перед ладонью мага сияла огненная звезда и направлена она была на нападавшего.

— Надоели, — казалось бы, Демон-пес слышал, как говорит немой, что невозможно, но ещё более удивительным стало открытие последовавшее за этим, вопрос, кем был маг, наконец разгадан.

— Ч-человек?! — не только Эбат знал человеческий, но и другие. За длительное время путешествия, привыкли к звучанию человеческого и могли определить его среди других.

— Да я человек, и что? — ответа Нилрем ждать не стал.

Огненный шар метнулся к Кобальту после чего взорвался. Жертва даже не кричала, банально не успела, ведь умерла моментально.

Обугленный труп завалился на землю, и больше никогда не шевелился, а Нилрем снял каменную маску, наконец избавившись от собственных кандалов.

Со стороны демонов послышались «Ахи» удивления, люди в клетках, особо активно напрягли извилины, когда заметили человека на воле. Исключением являлись, разве что Мари и Роулз. Первая и так ни на что не реагирует, а второй не мог прийти в себя. Он не сомневался в собственных глазах никогда, но именно сейчас хотел их протереть. Сын его друга, оказался на том же материке, что и он! Роулз вдруг осознал откуда лёд посреди пустоши.

— Все же человек, — заговорил Эбат. — и что будешь делать дальше?

— Убью твоих охранников, а после допрошу тебя.

Ответ плёткой ударил Эбата по его носу, из-за чего тот поморщился. Никого бы не устраивал такой ответ.

Вместо того, чтобы клишировано посмеяться и приказать собственным миньонам атаковать мага, Эбат поступил удивительно трезво.

Он щёлкнул пальцами и приказал привести кое-кого.

Охранники привели девочку, ростом с Нилрема. Кишарика улыбалась как, впрочем, и всегда, но в этот раз её улыбка была виноватой. Проблема в том, что сейчас императрицу прижали к

себе, и удерживают с лезвием у горла.

— Ты же не думаешь, что я совсем туп? Как считаешь, что с ней случится?

Нилрем ничего не ответил, лишь опустил брови ниже обычного.

Такая явная реакция подбодрила Эбата, и тот продолжил.

— Я не желаю испытывать свое везение. Мне, честно говоря, кажется, своего лимита я достиг. Поэтому поступим так. Ты останешься здесь ровно на два дня — мы же выдаём тебе пищу и припасы на четыре дня. Тебе должно хватить, — Эбат если и врал, то делал это так, как не может разгадать Нилрем. Ухватив девочку за лицо четырехпалой рукой, покрытой густой темной шерстью, демон продолжил склонять на свою сторону. — эта девка отправляется с нами до самого города, как залог моей неприкосновенности. После мы оставим её в его центре, там и заберёшь свою ненаглядную. Обещаю, что ничего с ней не сделаю, и она останется целой, договорились?

Выслушивая демона, Нилрем начал расслабляться. Причиной тому послужил вовсе не один скользкий демон, которому, как считал маг, более подойдёт форма змеи. Его внутренние напряжение спало, как только он вспомнил об одной вещи. Вернее, будет молвить, эта вещь была на виду все это время, так и кричала о себе вспомнить. Она стояла перед носом и не забывала подавать звуки. Просто Нилрем заглушил их, переведя в фоновый режим, смешав голос девочки с белым шумом. Её голос так редко выдавал что-то иное чем' «Я — Великая…»

— Ха-ха… — задрав голову вверх, Нилрем от души расхохотался, да так, что плюхнулся на землю, и ухватился за живот. Содрогаясь всем телом, мальчик неосознанно напомнил сидящим рабам, в клетках, каково это, смеяться. И что самое главное, смех был чистым, не напоминающим скрипучего козла или скупого ящера. Иногда, чтобы улыбнулся другой человек, достаточно увидеть и капельку простого искреннего смеха.

Единственные, кому ни к чему улыбаться на выходку Нилрема, была банда Эбата.

— Смешно? — с явным осуждением начал козёл.

Смахнув легкую слезинку, парень остановился и проговорил:

— А как же иначе? Ведь вы держите в плену не простую малявку, а саму Киширику Кишириcу! — Нилрем указал прямо на девочку, которая от такого финта ушами приоткрыла рот. — она непревзойдённая и несравненная! Умная и милостива! — с каждым последующим синонимом похвалы, лицо Киширики все больше расплывалось блаженной улыбкой. Возможно, зависимость от похвалы и не является тем качеством, которое стоит культивировать, но Нилрема это не волновало. — Императрица Демонов! Та, что прошла прошлое, живет в настоящем и смотрит в будущее! Да, она даже может смотреть в будущее, в отличие от вас, червей!

Шок. Или Демонов заполонил шок таких размеров, словно их накрыла тень от метеора. Воины Эбата и раньше не блистали умом, а здесь ещё иным языком изрекались, который они с трудом понимали. Их голову нагрузили столь сильно, что оставалось только усиленно переводить и переваривать сказанное. И только парочка из них, были настолько тупы, что не воспринимали речь вообще.

Повторив:

— Она видит будущее! — Нилрем больше не ждал, и на огромной скорости мана понеслась вперёд неудержимым потоком вызывая каменные колья. Особо не свезло тому несчастному, который Киширику удерживал в плену. Девочка укусила его за руку, и тот отвлекся, а дальше, кол… Пронзил того полностью. Ещё парочку демонов пробило шипами, задевая только стопы, но и они не долго глазками моргали, и быстро отправились в заслуженный ад. Рядом с обрывом творились страшные вещи, от вида которых, даже сидевшие поодаль рабы в клетках начинали испытывать отвращение и рвотные позывы.

— Ах ты! Сука! — выхватив меч, Эбату крупно повезло уклониться от кольев. И только осознав происходящее, он кинулся на Нилрема.

Весь план, а вместе с ним и мечты рассыпались песком по ветру. Подобное, невозможно просто принять, и Козлолицый бесповоротно впал в бешенство. Его ярость подобила самому багровому оттенку красного, она и застилала ему глаза.

Шустро продвинувшись к Нилрему, демон проткнул его насквозь и пролилась алая кровь. Эбат в это верил, он чувствовал запах свежей крови. Как жаль, что вера, такая штука, которая подводит в самый неожиданный момент.

Эбату взаправду удалось ранить Нилрема, но только руку. Мальчик подставил её и отвёл меч в сторону, таким образом, холодное железо прорезало одну руку и не достало органов.

— Что ж, — слова звучали буднично. Мальчику должно реветь и плакать, как и всем в его возрасте. — До кости, мне повезло. Ты был прав, твой лимит на сегодня вычерпан, — Эбат видел это ранее. Он очнулся от злобы, накатившей на него, и попытался вернуть меч, что так крепко вцепился в тощую руку мага. В этом положении бвло много неестественного, однако пробежавшая искра, аки дамоклов меч над головой Эбата, заставил того бросить оружие. Не теряя драгоценных секунд, демон отпустил меч, отпрыгивая назад, буквально спотыкаясь, но не падая, в попытках убежать подальше. Ему в догонку летели как слова, так и магические атаки. — Такому животному как ты, подобает смотреть в землю и есть навоз.

Каменная пуля очертила ровную траекторию и попала прямиком демону в сердце.

***

Нилрем добивался вовсе не того.

Один пленник со стороны демонов и ноль потерь с собственного фронта. «Невероятный успех!», воскликнут генералы, открывая шампанское. Они же пробкой выбивая стекло маленькой квартирки вспомнят, что давно на пенсии.

Только вот, старший Грейрат все же добивался другого. Он хотел надёжное пушечное мясо на случай, если заявится сильный враг, а в условиях демонического континента такой может показаться буквально за следующим камнем. Но, случился Эбат с его переворотом власти, и все пошло в одном известном всем направлении.

— Нилрем, — а ещё Киширика. Маленький маг дрогнул, ведь та мурлыкнула его именем. — Я не знала, какое большое сердце лежит в твоей маленькой груди. Ну-с, знай, не будь я уже жената, то ты мог бы за мной приударить! Ах, какой наглец, так соблазнять Императрицу! Ай!

— Заканчивай с этим, — как и прежде, мальчик ударил девочку ребром ладони по голове и принялся думать.

Перед ним были люди. Много людей. И все они в пустыне и все они хотят есть и пить, и все смотрят на него с невиданной благодарностью.

«Это не то, чего я желал», определенно, доля лжи в этих мыслях была. Только вот, становиться королём в хорошее время, и плохое, это совсем разные вещи.

— Я… — хотел было сказать: «Пойду», как к Нилрему подошла женщина с малышом на руках.

«Ой-йой», промелькнуло в голове, когда она начала вежливо выражаться. Женщина не больше двадцати пяти, с впалыми щеками, из-за голода, она смотрелась старше своих изначальных лет. В костлявых руках дама держала молчащего младенца, ему, должно быть, больше месяца.

— Господин маг! Прошу вас, посмотрите на моего м-малыша, он все время спит и не просыпается уже как вторую неделю, прошу вас, вы же господин маг, вам же под силу излечить моего малыша?!

Это было неважно. Лицо матери, потерявшей всякую надежду, уже вторую неделю медленно превращалось в безумную маску.

Нилрем осторожно перенял малыша, закутанного в серый плед, а после приоткрыл занавес нескрываемой тайны.

«Мертв», ребенок уже гнил и разлагался. Новорожденный никогда не сумеет выжить в суровом климате, и подобной жаре. Впалые глаза, сухая кожа, все признаки сухой, голодной смерти.

«Он мертв» повторил в мыслях Нилрем, но, под взглядом матери, он не мог озвучить очевидный факт. С горестью посмотрев не только на мать, но и на тех, кто позади, Грейрат заметил, как быстро взрослые отводят взгляд. Даже они не могли сказать ей правду и все две недели молчали, а некоторые возможно даже дарили ложную надежду.

«Недостойные трусы» все они знали, знали, но не признавали. От их слепоты мир не меняется, если закрыть глаза на огонь, жечь он не перестанет, потому Грейрат тут же ощутил праведный гнев в отношении мужей трусливых.

— Он…

Запнувшись, Нилрем, закрыл, а после вновь открыл рот. Только слов не выходило. Парень и сам оказался не меньшим трусом, однако, он пытался найти в себе логичную причину, что-то возвышенное, что отделяло бы его от остальных. Грейрат не был бесчеловечным. Одинокая мать с младенцем на руках, в трудном положении, тронет любое сердце каким бы чёрствым оно не было. Даже Киширика, и та умолчала, предоставляя такой выбор Нилрему.

Тот же Роулз, оказавшись на свободе, первым делом хотел проведать сына своего друга, но увидев картину, остановился на полушаге.

Никто не может сказать горькую правду матери, что ждёт чуда. Это слишком жестоко.

И Нилрем увидел. Он увидел в этой женщине родного человека. Вспомнил, как чуть более пяти лет назад, Лили могла закончить подобным образом. Но не в сухой, а морозной пустыне, средь снежных дюн. Мальчик никогда не сумел бы простить себя, оставь он Лили и Аишу. Глаза Грейрата смотрели на мёртвого малыша, но видели Аишу и её улыбку, которая тут же иссохла. Вернувшись назад, к реальности, его бросило в холодный пот. А ведь он только представил холодную смерть.

— Я… сделаю все что смогу.

Есть в мире мудрость, не давать обещаний, которые не сможешь сдержать.

Женщина упала на колени и сложила руки в молитвенном жесте, а люди позади только сильнее нахмурились. Они ждали мужества от десятилетнего мальчика, и от этого становилось горше во рту.

Нилрем отвернулся спиной, словно прятал сокровище.

Он вырастил пьедестал, и воссоздал глубокую каменную коробку, куда и положил тело мёртвого младенца, а после, воздухом резанул себя по ладони.

— Что ты… — Киширика с удивлением, уставилась на происходящее, попеременно меняя магические глаза.

Она застыла в ужасе разглядывая кровь, вытекающую из раны.

«Столько маны», ещё ни разу в жизни, человеческая кровь не содержала такого количества магии разом. Словно лилась не простая алая кровь, а концентрат чистой маны. Нет, она не была чистой. С примесями исцеления. Это прояснилось только спустя секунду.

Коробка из камня, начала прорастать мхом, на котором являлись цветы. Будто бы желая испить всю его кровь, окружение впитывало её и проявляло всю свою ненасытность. Камень зарастал растениями, воздух нагревался, а старые, засохшие клетки младенца, оживали.

Нилрем заполнил коробку кровью доверху, полностью омывая ею малыша. Грейрат утопил труп в собственной крови, а когда её уровень начал падать, из неё рождалось существо.

— Это не малыш, — тихо прошептала Киширика, дёргая за руку Нила.

— Я знаю… знаю.

Процесс, должен был, походить на прошлый. Нилрем участвовал в создании новых существ, он тщательно распробовал священную ступень магии исцеления, и только после, приступил к работе. Тогда он изменял организм, дополнял его, создавал уродливых химер. Сейчас же, только исцеляет тело.

Странно слышать это от Нилрема, но… он не знает, есть ли душа.

Раньше, он исцелял мертвое тело полностью. Лечились мозги, возвращались к своим функциям почки, желудок, нервная система, но никогда, живое не поднималось вверх, не раскрывало глаза, не исполняло вложенную в неё функцию — жить. Будь то бабочка, кролик, лисичка или человек. Без прямого вмешательства никто так и не оживал по-настоящему. Грейрат деформировал их тела, изменял и дополнял, однако душа, так никогда и не появлялась у него на глазах. Так может быть, её никогда и не было? А если есть, то где? Словно смертному запрещено смотреть на чудо сотворение души. Будто бы существовало некое незримое табу, закон, правило, которое запрещает смертному видеть души.

Сейчас же, все пройдет по-другому.

Не зная, как появляется душа, Нилрем подумал, почему бы её не создать? Разве это сложное дело? Разве кто-то пробовал?

Но как возможно создать душу, даже не зная, как она выглядит, из чего состоит?

«Разве маги этого мира, знают, что такое Огонь? А вода, земля или ветер?» вспоминались маги этого мира, для которых окисление — загадка века. Они не понимают и сотой доли тех законов, коими в привычно темпе оперирует Грейрат, так откуда они берут свои возможности? Нилрем предположил, что ему не нужно знать, какая истинная структура души. Достаточно малого. Представить, как она выглядит и стих.

Нилрем прикрыл глаза в то время, как на его сетчатке образовывался новый образ.

— Здоровая душа, означает здоровый дух… обитает в здоровом теле.

Тихие, еле уловимые фальшивые слова Нилрема помогли ему ощутить образ святой. Образ души для младенца.

Остался стих.

«Но что подойдёт?»

Нил взялся за дело только из-за искаженного чувства справедливого, и сейчас, он подошёл к обрыву, больше шагов сделать не удастся, дальше его знания заканчиваются. Дальше начинается непроглядная тьма пропасти.

Открыв глаза, перед ним была мертвая оболочка. Она дышала, непроизвольно извивалась, но все это не было человеком. В нём нет чего-то главного. Это видела Кишиpика, это понимал и Нилрем.

Ему нужен стих, то заклинание, что создаст душу, то, что поможет, но где он достанет такое? Тут в пустыне, где на многие километры вокруг только голая пустошь!

Позади Нилрема молилась мать ребенка. Возможно, узри она, что на самом деле творится, и слетела бы с катушек окончательно.

Её глаза были закрыты, а разум ослеп от веры в чудо.

«Вера…», Смотря на чужую мать, Нилрем задался вопросом, что такое вера? Его прошлый мир даёт только смутные описание определения души, но довольно чётко определяет веру. Как ни странно, но что-то Нил понимал.

Не будучи набожным, он редко слышал молитвы старого мира. Религия как такова трансформировалась в нечто иное, однако, были в играх разные отсылки. Одного захудалого вечера, пребывая в виртуальном мире, он захаживал в церковь и собственными губами зачитывал:

— Отче наш…

Противный писк на подобии ультразвукового, опустился на округу. Близлежащие люди позакрывали уши от того скрежета, центром которого был Нилрем.

Силуэт мальчика начал мягко подсвечиваться внутренним светом, а сам он плавно воспарил, буквально зависая в десяти сантиметрах от земли.

— Э-это!

Кширика взволновано осматривала Нилрема своим магическим глазом, и чем дольше она смотрела, тем краснее он становился. Дошло до того, что в глазу один за одним лопали сосуды, просто принуждая Императрицу отступить, и закрыть глаз.

Люди вокруг же… Видели все четко и ясно. И позволено было смотреть всем, и слепым, и мертвым, и живым. Ведь им явился не просто волшебник, а чудотворец!

— Он бог! — не в силах больше сдерживать порыва собственной души, один из мужей слабовольных воскликнул. — мы должны преклониться перед ним!

Его слова не были правдой, но нужна ли им правда? Как ранее, в правде не было нужды для одной женщины и её ребенка, так и сейчас. Правда больше не нужна, пускай ложь и фальшь станут ею.

Сочетание искренней благоверности, почитания, лжи, правды, людей, демонов, фальшивок и душ… Принесло чудо.

Нилрем закончил читать молитву, после чего, ощутил утечку прорвы магии. Различия с тем, когда использовалось заклинание, были в одном. Ранее, мана опоясывала тело и после выходила наружу. Теперь же, что-то более тягучее, горячее и неприятное, прошло по груди прямиком у сердца, остановив его.

Бешено бьющееся сердце не выдержало, случился разрыв в трех местах. Тут же поступило внутреннее кровоизлияние. Случился инфаркт, но только на мгновение. Натренированный боем, маг исцелил собственное сердце, и предварительно разогнал кровь.

Только та волна света не замедлилась и пошла дальше от груди вверх, выжигая раскаленным мечом все от сердца и к горлу, от горла к рту. Все эти этапы, Нилрем изнемогал от ужасной боли по всему телу, ощущение не ослабевали ни на секунду. Подавить боль оказалось физически невозможным делом, ведь болело даже то, что болеть не может по определению. Нилрем не кричал. Сильной выдержки или стального терпения здесь мало. От подобной боли молчат именно потому что она убивает! Она не давала ему и пискнуть, ведь Грейрат сжал зубы до хруста.

Это заклинание не долго блуждало по телу. Дикая магия неизвестного типа, по идее должна создать душу, но пока что создавала смерть любому, кто бы его не использовал.

Волной затронув голову, заклинание лишило парня глаз. Для него стемнел весь мир, он ослеп, однако видел бездну. Тьму всего этого мира, водоворот, рябь пространства, где в самой дали словно бы, открылась дверь, а за этой дверью во всю длину находился глаз существа. Стоило Грейрату на долю секунды заметить наблюдателя, как тот исчез, забирая с собой и слух, и нюх, и… кажется, упал… Но кто-то сзади поддержал юного мага.

Секунды две, исцеление не работало, но как только заработало, так неизвестное заклинание наконец покинуло его. Через рот.

То был крохотный осколок света. Маленький, словно затухающая искорка от огроменного костра. Она двинулась к неживому как намагниченная. Младенец которого окружали цветы и зелёный мох застыл.

Залетев внутрь его рта, Нилрем ощутил кое-что. И это была не душа, это была собственная пустота в груди.

— Мальчик, — серьезно обратилась к нему Киширика. Та находилась рядом, именно она и поддерживала Нилрема, когда его ноги ослабли. — тебе это аукнется. Магия забрала у тебя не только ману, но и что-то важное.

— Это… — Грейрата одолела усталость, и он вовсе перестал держаться на ногах. — гадство.

И после этих слов, в зелёной корзине из камня и мха, раздался детский плач. Это крик настоящего чуда.

http://tl.rulate.ru/book/84638/3105038